

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ВЫЗОВЫ ИНТЕРПРЕТАТИВИЗМА

© 2021 г. С. Н. Касаткин

*Самарский юридический институт ФСИН России;
Самарский государственный экономический университет*

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Поступила в редакцию 22.12.2020 г.

Аннотация. В статье исследуются классические методологические измерения / типологии правовых теорий, занимающие центральное место в современной англо-американской юриспруденции, анализируется их определение и использование в юридическом позитивизме и в интерпретативной доктрине Р. Дворкина. Цель статьи: с одной стороны, эксплицировать базовые методологические характеристики правовых теорий в англо-американской позитивистской традиции (включая взгляды Г. Харта), с другой – рассмотреть данные характеристики в свете идей и вызовов интерпретативизма, раскрывая идентификацию и следствия доктрины Р. Дворкина. В качестве общих выводов в статье обосновывается статус интерпретативного учения Р. Дворкина как герменевтической юриспруденции «внутренней точки зрения», частной правовой теории нормативного характера. Подчеркивается ее роль не только в качестве методологической альтернативы позитивистской и т.п. концепциям в рамках классической системы измерений правового теоретизирования, но также в качестве вызова самой этой системе, ее критериям и ряду методологических возможностей – проекту общей описательной морально-нейтральной юриспруденции. Наконец, отмечается влияние интерпретативизма Р. Дворкина на современную англо-американскую правовую мысль, стимулирующее преобразование ее «интеллектуального ландшафта» в сторону более продвинутой правоведческой методологии, способной учесть более тонкие и комплексные вызовы.

Ключевые слова: типы правовых теорий, юридический позитивизм, юридический интерпретативизм, герменевтическая теория права, Р. Дворкин, юридическое толкование, методология юриспруденции.

Цитирование: Касаткин С.Н. Типология правовых теорий: позитивистская традиция и вызовы интерпретативизма // Государство и право. 2021. № 4. С. 70–80.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проекты № 18-011-01213 «Право как целостность — право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)» и № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

DOI: 10.31857/S102694520013149-4

TYPOLOGY OF LEGAL THEORIES: POSITIVIST TRADITION AND CHALLENGES OF INTERPRETATIVISM

© 2021 S. N. Kasatkin

*Samara Law Institute of FPS of Russia;
Samara state University of Economics*

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Received 22.12.2020

Abstract. This article examines classical methodological dimensions / typologies of legal theories, centered in modern Anglo-American jurisprudence, and analyzes their determination and use in legal positivism and in R. Dworkin's interpretative doctrine. The article aims to explicate basic methodological characteristics of legal theories within Anglo-American positivist tradition (including H.L.A. Hart's views) as well as to consider these characteristics in light of the ideas and challenges of interpretativism revealing identification and consequences of R. Dworkin's account. As general conclusions the article substantiates a status of R. Dworkin's interpretative doctrine as a hermeneutical jurisprudence of "internal point of view", a particular legal theory of a normative character. Its role is emphasized not only as a methodological alternative to positivist and other similar conceptions within a framework of classical system of dimensions of legal theorizing, but also as a challenge to this system itself, to its criteria and a row of methodological possibilities – a project of a general descriptive morally-neutral jurisprudence. Finally, the influence of R. Dworkin's interpretativism on modern Anglo-American legal thought is stated, which encourages transformation of its "intellectual landscape" toward a more advanced jurisprudential methodology, able to allow for more subtle and complex challenges.

Key words: types of legal theories, legal positivism, legal interpretativism, hermeneutical legal theory, R. Dworkin, legal interpretation, methodology of jurisprudence.

For citation: Kasatkin, S.N. (2021). Typology of legal theories: positivist tradition and challenges of interpretativism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 70–80.

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, projects No. 18-011-01213 "Law as integrity — law as interpretation: theoretical-methodological and problem-historical reconstruction of the doctrine of legal interpretativism by Ronald Dworkin (1967–1986)" and No. 20-011-00914 "The project of Positivism today: the historical trajectory, the problem field and the system of legal positivism in the Anglo-American tradition".

Введение

На фундаментальном уровне определение состоятельности правовой теории *inter alia* предполагает оценку легитимности ее исходных идейных и методологических допущений¹, включая подразумеваемое ею видение ключевых измерений и дихотомий правового теоретизирования, а также фиксацию своего места в соответствующей системе координат. В отечественной теоретико-правовой литературе в числе наиболее важных параметров и делений правовых теорий чаще всего обсуждается их дифференциация по типу правопонимания², типу научной рациональности³, общности и фундаментальному / прикладному характеру⁴ и по ряду иных оснований (например, дисциплинарности⁵,

интегративности⁶, философско-методологической основе⁷, семиотической культуре⁸, отношению к языку⁹ и проч.). С этих позиций представляется значимым опыт современной зарубежной, прежде всего англо-американской, юриспруденции, которая строится вокруг альтернативных — хотя и пересекающихся с отечественными подходами — критериев структурирования теоретико-правового знания, рассматривает их в качестве важного объекта обсуждения и критики.

В этом контексте в статье, во-первых, рассматриваются классические методологические измерения / типы правовых теорий, задействованные в — одном из доминирующих в англо-американской мысли — позитивистском проекте правоведаческой методологии и используемые его представителями в качестве инструмента определения параметров данного проекта и обоснования его потенциала. Во-вторых, в работе исследуется концепция юридического интерпретативизма¹⁰, эксплицируется авторский методологический подход, а также его

¹ См.: Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 114 (далее — Юриспруденция в поисках идентичности).

² См., напр.: Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. Гл. 13; Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.

³ См., напр.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012; Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб., 2017.

⁴ См., напр.: Актуальные направления анализа права и правопонимания: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятой философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2015; Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. Гл. 1.

⁵ См., напр.: Жуков В.Н. Философия права. М., 2020. Гл. 1, 2; Юриспруденция в поисках идентичности. С. 101 и посл.

⁶ См., напр.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч.

⁷ См., напр.: Честнов И.Л. Указ. соч.; Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина.

⁸ См.: Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31.

⁹ См., напр.: Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. С. 10–25.

¹⁰ См.: Dworkin R. Taking Rights Seriously. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978.

Таблица

Система правовых теорий		
	Описательные	Нормативные
Общие	1	2
Частные	3	4

(проблемные) следствия для классической / позитивистской юриспруденции. Представленные цели исследования видятся значимыми для фиксации не только альтернативных (инокультурных) трактовок права и правовой теории, но и важных методологических вызовов, требующих должного обхождения при создании и использовании широкого круга правоведаческих моделей, в т.ч. тех, что практикуются в отечественной юриспруденции.

Классические измерения правовых теорий: позитивистская перспектива. Чтобы лучше понять специфику и значение методологического вызова Р. Дворкина, следует обратиться к базовым измерениям правового теоретизирования, используемым в пространстве англо-американского позитивизма. Как известно, исходные взгляды американского правоведа, составившие основу последующей интерпретативной доктрины, формируются в рамках целенаправленной критики позитивизма, прежде всего концепции Г.Л.А. Харта¹¹.

К числу ключевых методологических делений, значимых для идентификации и самоидентификации основных учений англо-американского позитивизма, можно (вслед за И. Флоресом, опирающимся на разграничения Дж. Бентама, Дж. Остина и др.) отнести следующие.

1. Деление правовых теорий на *общие* (универсальные) и *частные* (национальные, локальные, пароклиальные¹² и проч.). Если общие теории отвечают на вопросы, присущие всем правовым системам или культурам, то частные — адресованы тому, что специфично для той или иной правовой системы или культуры¹³.

2. Деление правовых теорий на *описательные* (объяснительные, аналитические, позитивные) и *нормативные* (критические, оправдательные,

прескриптивные). Тогда как описательные теории направлены на изложение предмета рассмотрения и предлагают обзор существующих представлений и практик, нормативные теории сосредоточены на обосновании суждений о (моральной и проч.) ценности текущей ситуации либо доводов и призывов в пользу новых или реформированных представлений и практик¹⁴. Соответственно, описательные теории отвечают на вопросы о том, что есть право, или вопросы о фактах, а нормативные теории отвечают на вопросы о том, чем должно быть право, или на вопросы о ценностях¹⁵.

На этой основе возможно формирование следующих комплексных типов правовых теорий: 1) общих описательных; 2) общих нормативных; 3) частных описательных; 4) частных нормативных (*табл.*). Кроме того, в принципе возможно построение и более объемных концептуализаций, включающих 1) и 2), 3) и 4), 1) и 3), 2) и 4), либо даже объединяющих 1), 2), 3) и 4)¹⁶.

С этих позиций базовые доктрины в традиции англо-американского позитивизма, осмысливаются прежде всего как проекты общей описательной (ценностно-нейтральной) правовой теории (1). Причем если дифференциация доктрин по степени общности не является сугубо позитивистской и выступает общелогическим средством ранжирования рассуждений, то их предметно-целевое деление на описательные и нормативные имеет для позитивизма большое значение, а состоятельность и ценность такого деления, по сути, продвигается им в качестве своей фундаментальной методологической установки / критерия самоидентификации. Как известно, позитивизм в Великобритании оформляется как оппозиция доминирующему здесь синтезу идей юснатурализма и общего права. В частности (вслед за Д. Юмом), такая оппозиция основывается на отрицании синкретизма естественно-правовых теорий в трактовке вопросов сущего и должного (идеального) права и на тезисе о возможности и необходимости их последовательного различения¹⁷. Соответственно, методологически позитивизм заявляется как попытка обособленного («научного») изучения права, «как

¹¹ См.: *Dworkin R. Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Ch. 2 ff.

¹² Под «пароклиальной» (*parochial*) теорией права в западной юриспруденции понимается правовое учение, которое сознательно ориентировано на отдельный, обособленный, конкретный и т.п. правопорядок в противовес общей или универсальной теории, стремящейся рассуждать о праве в целом (подробнее см., напр.: *Raz J. Between Authority and Interpretation*. Oxford, 2009. P. 31 ff.).

¹³ См., напр.: *Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London, 1970. § 21–29; *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed. London, 1885. P. 1071 ff.*; *Flores I.B. The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // Problema*. 2015. No. 9. P. 166.

¹⁴ См.: Юриспруденция в поисках идентичности. С. 187, 188.

¹⁵ См., напр.: *Bentham J. Op. cit.* § 21; *Dickson J. Evaluation and Legal Theory*. Oxford, 2001. Ch. 1, 2; *Flores I.B. Op. cit.* P. 166.

¹⁶ См.: *Flores I.B. Op. cit.* P. 168.

¹⁷ См., напр.: *Ллойд Д. Идея права*. М., 2002. Гл. 5.

оно есть», отграниченного от обсуждения права, «каким оно должно быть». В этой перспективе классические концепции естественного права начинают пониматься (и перетолковываться) прежде всего как учения нормативного характера — теории идеального или должного права, сводящие право к отвлеченной универсальной ценностно-нормативной системе или предполагающие соответствующие ограничения позитивному праву в духе максимы «несправедливый закон законом не является»¹⁸.

Отмеченные особенности проявляются в целом ряде позитивистских доктрин. Так, определяя надлежащую область юриспруденции и вводя «эмпирическую» интерпретацию права (как социальных практик господства-подчинения, связанных с изданием приказов, снабженных санкциями), Джон Остин, следуя Дж. Бенхаму, сосредотачивается на теории, «общей для всех правовых систем» в противовес теории «частной» или «национальной», а также на описательной «науке права» в противовес нормативной и утилитаристской «науке законодательства»¹⁹. При этом он емко формулирует то, что впоследствии мыслится как «кредо» позитивизма: «Одно дело — существование права, другое — его достоинство или недостаток. Есть оно или нет — один вопрос, соответствует оно или не соответствует предполагаемому образцу — другой вопрос. Право, которое действительно существует, является правом, несмотря на то что ему случилось нам не понравиться, или несмотря на то что оно расходится с тем текстом, с которым мы соизмеряем наше одобрение или неодобрение»²⁰.

Схожим является и представленное в англо-американской мысли «чистое учение о праве» Г. Кельзена, стремящегося очистить предмет юриспруденции от чуждых ему фактуальных, этических и политических элементов и на неокантианской основе эксплицировать характерную для права «логику нормативной мысли». Согласно Г. Кельзену, «чистое учение о праве есть теория позитивного права: позитивного права вообще, а не какого-либо конкретного правового порядка. Это общее учение о праве, а не интерпретация отдельных национальных или международных правовых норм. Но оно дает теорию толкования. Будучи теорией, оно стремится лишь к одному: познать свой предмет. Оно пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться. Оно есть правоведение, а не политика права»²¹.

¹⁸ Flores I.B. Op. cit. P. 168–170.

¹⁹ Austin J. Op. cit. P. 1071 ff.

²⁰ Ibid. P. 157.

²¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 10.

Аналогичная система методологических координат и позиций провозглашается также в теории Г. Харта, дающей начало новому измерению в правоведческой методологии и самоидентификации юридического позитивизма.

Юриспруденция «внутренней» и «внешней» точек зрения: Г.Л.А. Харт. Г. Харт считает важным и плодотворным проектом аналитической юриспруденции как объяснения фундаментальных правовых понятий, а также связанную с этим позитивистскую установку на ценностно-нейтральное (морально-нейтральное) рассмотрение правовых явлений²². Определяя (в ответ на вызовы Р. Дворкина) параметры своего подхода в Постскрипуме к «Понятию права», он пишет: «Моя цель в этой книге состояла в том, чтобы предложить теорию того, что есть право, общую и описательную. Она *общая* в том смысле, что она не привязана к какой-либо конкретной правовой системе или правовой культуре, но стремится... дать объяснительную и проясняющую оценку права как сложного социального и политического института, включающего руководимый правилами (и в этом смысле “нормативный”) аспект... Моя оценка *описательная* в том, что она морально нейтральна и не имеет оправдательных целей: она не преследует цели оправдать или одобрить на моральных или иных основаниях те формы и структуры, которые появляются в моем общем объяснении права, хотя их ясное понимание, по моему мнению, составляет важное вступление к любой значимой моральной критике права»²³.

Общность и описательность учения Г. Харта имеют и ряд дополнительных параметров (вполне распространяемых на другие версии позитивизма), которые значимы для уяснения альтернативного ему подхода Р. Дворкина. Как отмечает М. Мур, теория Г. Харта, с одной стороны, является общей не только в том, что она задает центральный вопрос юриспруденции, «Что есть право?», вне связи с конкретным правовым порядком, но и в других отношениях. Во-первых, из трех смыслов права как предмета юриспруденции, выделяемых Г. Хартом²⁴, его учение сосредотачивается на наиболее общем из них — объяснении права как правовой системы, в противовес смыслу права как правил поведения либо индивидуальных предписаний, выносимых в рамках решений по конкретным делам²⁵. Во-вторых, философ обсуждает понятие

²² См.: Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 49 ff.

²³ Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239, 240.

²⁴ См.: Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 56.

²⁵ См.: Moore M.S. Educating oneself in public. New York, 2000. P. 81, 82 ff.

права вне связи с какой-либо практической ролью внутри правовой системы (например, ролью судей или иных должностных лиц)²⁶. С другой стороны (даже при возможной непоследовательности), объектом описания у Г. Харта выступает феномен / институт права, а не употребление слова «право»²⁷: он абстрагируется от социальных практик, признаваемых «правовыми», для уяснения их существенных черт, а потому не ограничен анализом обыденного английского языка. В этом смысле описательный подход британского мыслителя является скорее «институциональным» («социологическим»), а не «семантическим» («лингвистическим»)²⁸.

Помимо сказанного, концепция Г. Харта вводит новое различие в правоведческой методологии, связанное с выделением различных «перспектив» или точек зрения на право. Согласно философу, любое социальное правило имеет «внешний» и «внутренний» аспекты, предполагая как наличие в обществе некоей практики (поведенческого единообразия), так и ее восприятие в качестве образца (своего и чужого) поведения и основания его оценки²⁹. Отсюда существование практики следования юридическим правилам и в целом существование правовой системы создает возможность, во-первых, для различных типов дискурса: «внутренних» утверждений, опосредующих действие на основе юридических правил и их применение к конкретным случаям, и «внешних», фактуальных утверждений о таких практиках; во-вторых, для различных практических позиций: «внутренней» точке зрения участника, принимающего и использующего правила правовой системы в качестве должностного или частного лица, и «внешней» точке зрения наблюдателя по отношению к правовой системе, рассуждающего о ее правилах и их следствиях³⁰. В свою очередь, возведение названных точек зрения на методологический уровень учреждает деление правовых теорий на «внутренние» и «внешние», т.е. теории, которые рассуждают с позиций того или иного правопорядка (принимают его нормативные стандарты и связаны ими) либо рассуждают о правопорядке (правопорядках)

с иных — «обособленных»³¹ — позиций. (По сути, такое деление пересекается с классическим различением описательных и нормативных теорий, но ему не тождественно. Хотя в исходных примерах Г. Харта критерий принятия стандартов правопорядка и критерий речевой функции (описательной или аскриптивной) совмещены, в связи с чем внешние утверждения для автора — фактуальны, а внутренние — нормативны, оба критерия имеют самостоятельное значение. В свете первого из них нормативные теории могут строиться как с «внутренних», так и с «внешних» правопорядку позиций, тогда как «внутреннее описание» видится проблемным.)

В этом контексте позитивистская юриспруденция британского мыслителя является «внешней»³². Вместе с тем Г. Харт считает дефектными теории, игнорирующие восприятие права / юридической практики ее участниками. По мнению автора, редукция правовых суждений к суждениям эмпирическим или предсказательным, скрывает их нормативность и не способно «объяснить ключевое различие между обыкновениями в поведении людей и поведением, руководимым правилами». Она «отбрасывает нечто жизненно важное для понимания не только права, но и любой формы нормативной социальной структуры». Методология эмпирических наук здесь бесполезна: необходим «герменевтический» метод, который включает «изображение руководимого правилами поведения так, как оно представляется его участникам, рассматривающим такое поведение как соответствующее или не соответствующее определенным общим стандартам»³³. В свете сказанного теорию Г. Харта также принято обозначать в качестве «герменевтической»³⁴.

Интерпретативная доктрина Р. Дворкина: система позиций. Р. Дворкин выступает как последовательный критик позитивизма. Преобразуя в полемике с Г. Хартом и его последователями свои ранние взгляды³⁵, он формулирует знаковую доктрину интерпретативизма, сосредоточенную на юридическом толковании как фундаментальной черте права, ассоциируемого с практиками обоснования правовых суждений³⁶. Используя

²⁶ См.: Moore M.S. P. 82, 83.

²⁷ Dworkin R. 1) Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986. P. 31 ff.; 2) Hart's Posthumous Reply // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. P. 2105; Hart H.L.A. The Concept of Law. P. 246.

²⁸ См.: Raz J. Ethics in the Public Domain. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204, etc.; Moore M.S. Op. cit. P. 88–94, 5; и др.

²⁹ См.: Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 56 ff.

³⁰ См.: Hart H.L.A. 1) Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248; 2) The Concept of Law. Ch. IV, V.

³¹ См.: Raz J. The Authority of Law. Oxford, 1979. Ch. 8; Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 10 ff.

³² Hart H.L.A. The Concept of Law. P. 242–244.

³³ Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 13, 14.

³⁴ Hacker P.M.S. Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society. Oxford, 1977. P. 1–25; MacCormick N. H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.; Bix B.H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. 1999. Vol. 52. P. 176; и др.

³⁵ См.: Dworkin R. Taking Rights Seriously.

³⁶ См.: Dworkin R. 1) A Matter of Principle. Cambridge, Ma., London, 1985. Ch. 5, 6; 2) Law's Empire. P. 13–15.

формулы А. Мармора, логику Р. Дворкина можно кратко представить следующим образом.

А. Содержательный аргумент. 1. Любой вывод о том, в чем состоит право в рассматриваемом случае, есть результат толкования. 2. Толкование — это, по сути, попытка представить его объект в наилучшем свете. 3. Соответственно, толкование с необходимостью включает оценочные соображения. 4. Это значит, что любой вывод о том, в чем состоит право, с необходимостью включает оценочные соображения³⁷.

Б. Методологический аргумент. 1. Теория о природе права есть толкование социальной практики. 2. Любое толкование права — это, по сути, толкование юридической практики. 3. Соответственно, толкованием социальной практики занимаются и теоретики права, и судьи. 4. Толкование социальной практики, такой, как право, нацелено на то, чтобы представить эту практику в наилучшем моральном свете. 5. Отсюда и теоретики, и практики в своей основе реализуют один и тот же тип рассуждений: стремятся представить юридическую практику в ее наилучшем моральном свете³⁸.

Таким образом, оба аргумента оспаривают позитивистское понимание права как системы правил, укорененных в официальных источниках / социальных фактах и не имеющих необходимой связи с моралью, а также принятую в позитивизме методологию описательной (аналитической) юриспруденции, предполагающей возможность обособленной ценностно-нейтральной идентификации и объяснения права.

Р. Дворкин начинает свои рассуждения с игнорируемого позитивизмом опыта «теоретических разногласий», когда участники юридической практики спорят об основаниях права, лежащих в основе истинности правовых суждений³⁹. На этой основе он провозглашает «интерпретативность» понятия права, которое в отличие от «критериальных» понятий с правилами употребления требует иных инструментов познания и использования⁴⁰. Согласно автору, постижение права предполагает принятие особой «интерпретативной установки», вырабатываемой в ходе социальной практики у ее участников. Такая установка включает два элемента-допущения. Первое из них — допущение о том, что соответствующая практика не просто существует, но «имеет ценность, служит определенному интересу, цели, реализует определенный

принцип,— короче... имеет определенный смысл, — который можно констатировать независимо от простого описания правил, составляющих эту практику»⁴¹. По второму допущению, требования социальной практики не являются «необходимо или исключительно тем, чем, как считалось, они были всегда, но, напротив, чувствительны к ее смыслу, так что строгие правила должны пониматься, применяться, расширяться, изменяться или ограничиваться этим смыслом»⁴². Утверждение интерпретативной установки в практике института делает его немеханическим: «люди стремятся придать данному институту значение — увидеть его в наилучшем свете — а затем перестроить его в свете этого значения»⁴³.

Как следствие, продолжает Р. Дворкин, познание практики права отлично от понимания отдельных ее участников (и их намерений) и предполагает постижение ее общего смысла. Иными словами, ее познание возможно лишь через «конструктивное толкование», связанное с целями / решениями толкователя, а не автора, и предполагающее «наложение цели на объект или практику с тем, чтобы представить их наилучшим примером формы или жанра, к которому, как считается, они относятся»⁴⁴. Такое толкование включает три стадии: 1) доинтерпретативную стадию, где «устанавливаются правила и стандарты, которые, как считается, обеспечивают предварительное содержание практики», 2) интерпретативную стадию, на которой «толкователь определяется с общим обоснованием [выявленных ранее] главных элементов практики»; 3) постинтерпретативную или реформирующую стадию, на которой он «правит свое понимание того, что “в действительности” требует практика так, чтобы оно лучше служило обоснованию, принятому им на интерпретативной стадии»⁴⁵.

Соответственно, формулируемые в этом контексте правовые суждения, согласно Р. Дворкину, носят интерпретативный характер, не будучи описанием права как простого исторического факта или же его оценкой с абстрактных моральных позиций. Они толкуют историю права, сочетая элементы описания и оценки, но отличаясь от обоих из них⁴⁶. По аналогии с соавтором романа, создаваемого «по цепочке», на судье, решающем дело, лежит двойная ответственность: он должен как установить общий смысл прежних решений, так и найти их наилучшее применение в конкретном случае

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 52.

⁴⁵ Ibid. P. 66.

⁴⁶ См.: *Dworkin R. A Matter of Principle*. P. 147.

³⁷ См.: *Marmor A. Interpretation and Legal Theory*. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27.

³⁸ См.: *ibid.*

³⁹ См.: *Dworkin R. Law's Empire*. P. 5.

⁴⁰ См.: *ibid.* P. 47.

как продолжение прежней институциональной истории системы⁴⁷. Граница между «нахождением» права и его «изобретением» (правоприменением и правотворчеством) тем самым стирается. При этом судья остается по-прежнему ограничен форматом интерпретации, присущими ему критериями соответствия и оправдания: юридическому обоснованию «не нужно соответствовать каждому аспекту или особенности существующей практики — соответствие должно быть достаточным для того, чтобы толкователь мог видеть, что он толкует практику, а не изобретает новую»⁴⁸.

Наконец, поскольку, по Р. Дворкину, для познания права как социальной практики требуется постижения ее общего смысла и структуры, теоретик права не может ограничиться ни простым наблюдением такой практики, ни выявлением намерения ее участников — он должен сам принять в ней участие, вовлекаясь в процедуры конструктивного толкования. Отсюда — суждения теоретика не имеют принципиальных отличий от суждений судьи и др., представляя право в его наилучшем (моральном) свете, находя равновесие между обнаруживаемой юридической практикой и ее наилучшим обоснованием. Теория права тем самым обсуждает и формирует интерпретативную основу любого юридического аргумента, выступает «общей частью судебного решения, молчаливым прологом к любому решению в праве»⁴⁹.

Типология правовых теорий: идентификация и вызовы интерпретативизма. Рассмотренный в контексте типологий правовых доктрин, принятых в англо-американской юриспруденции, интерпретативизм Р. Дворкина, с одной стороны, представляет альтернативу позитивистской традиции правового теоретизирования, с другой — оспаривает сами критерии деления правовых учений и предполагаемые ими методологические возможности / перспективы.

Итак, в противовес программе позитивизма как «внешней», общей и описательной (морально-нейтральной) теории доктрина Р. Дворкина выступает юриспруденцией «внутренней» точки зрения, частной / пароккиальной правовой теорией, носящей *prima facie* нормативный характер.

Во-первых, подход Р. Дворкина строится как теория, рассуждающая с «внутренней» точки зрения, с позиций участника юридической практики, который задается вопросами истинности и обоснованности правовых суждений (в отличие от «внешней» позиции социолога или историка, обсуждающих причины правовых установок и действий,

предсказания будущих суждений и т.п.). Эта теория стремится понять нормативный и аргументативный характер юридической практики через участие в такой практике⁵⁰.

Кроме того, подобно принятой оценке учения Г. Харта доктрину Р. Дворкина также можно назвать «герменевтической». Для американского правововеда постижение права как аргументативной социальной практики невозможно без понимания ее участников, без собственных представлений о силе и слабости используемых в ней аргументов: не будучи в этом смысле «правоведческой», теория права не сможет быть подлинно социальной и реалистичной⁵¹. Вместе с тем в отличие от учения Г. Харта теория Р. Дворкина «герменевтична» также в двух других аспектах. С одной стороны, она не просто обсуждает юридическое толкование и нормативную аргументацию, но мыслит их в качестве главной черты юридической практики и, тем самым, права в целом, а значит — и в качестве ключевого объекта теоретической концептуализации. С другой стороны, теория Р. Дворкина упоминает философскую герменевтическую традицию (В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса и др.) в качестве одного из своих идейных вдохновителей⁵² (правда, скорее «применяя», в гадамеровском смысле, отдельные ее постулаты, значимые для собственного проекта юриспруденции⁵³), и, что особенно важно, методологически осмысливает и реализует себя как герменевтическая практика, соучаствующая в производстве и оценке правовых суждений.

Во-вторых, доктрина Р. Дворкина заявляется и квалифицируется⁵⁴ как *частная / пароккиальная* правовая теория. В свете идей самого правововеда, как любая интерпретативная концепция, его теория по своей природе интерпретативна в отношении определенной юридической практики, соучаствует в ней, разделяет принятые здесь «парадигмы права» (официальные материалы и критерии юридического) и дает их обоснование в свете политической морали сообщества, трактует данную практику в качестве «развитого примера права» вне зависимости от опыта и стандартов иных правовых систем. Здесь не обсуждаются универсальные черты или условия существования правовой системы, а вопрос «Что такое право?» означает вопрос «Что

⁵⁰ См.: *Dworkin R.* 1) Op. cit. P. 13–15; 2) *Hart's Posthumous Reply.* P. 2097; *Marmor A.* Op. cit. P. 39 ff.

⁵¹ См.: *Dworkin R.* *Law's Empire.* P. 13, 14.

⁵² См., в частности: *ibid.* Ch. 2. P. 419 ff.

⁵³ См., напр.: *Юридическая герменевтика в XXI веке.* СПб., 2016. Гл. 4–8 и др.

⁵⁴ См., напр.: *Hart H.L.A.* *The Concept of Law.* P. 240–242; *Moore M.S.* Op. cit. P. 94, 95; *Raz J.* *Between Authority and Interpretation.* Ch. 2, 3; и др.

⁴⁷ См.: *Dworkin R.* 1) Op. cit. Ch. 5; 2) *Law's Empire.* Ch. 7.

⁴⁸ *Dworkin R.* *Law's Empire.* P. 66.

⁴⁹ *Ibid.* P. 90 ff.

связывает юридических субъектов в данной правовой системе?». Соответственно, интерпретативная теория адресована конкретной правовой культуре, юрисдикции, историческому этапу развития юридической практики, а равно ограничена ими⁵⁵. Как следствие, хотя Р. Дворкин и использует общий язык рассуждений, его примеры, критерии и политико-моральные стандарты ориентированы на правопорядки США и Великобритании ближайшего исторического периода (ранее называемые им наиболее развитыми системами права⁵⁶): тем самым доктрина автора конструируется как *современная американско-британская юриспруденция*.

Используя приведенные ранее критерии М. Мура, можно указать на еще два аспекта частного характера построений Р. Дворкина. С одной стороны, американский правовед сосредоточивается на анализе правовых суждений различной степени абстрактности, т.е. в терминах Г. Харта, он исследует частные смыслы права как юридических правил и индивидуальных предписаний (судебных решений) по сравнению с отвлеченной концептуализацией права как правовой системы, продвигаемой позитивистами⁵⁷. С другой стороны, вопросы права обсуждаются Р. Дворкином прежде всего в контексте судопроизводства. Иными словами, базовой здесь выступает позиция судьи как образцовая для осмысления аргументативности юридической практики, а также более эксплицитная и влиятельная по сравнению с аналогичными позициями граждан, политиков, преподавателей права и т.д.⁵⁸

В-третьих, если следовать классическому делению правовых учений на описательные и нормативные, доктрину Р. Дворкина, судя по всему, нужно считать *нормативной*⁵⁹. Хотя подобное ее обозначение отсутствует в «Империи права» (где скорее акцентируется единство описательных и оценочных элементов в интерпретации), такой вывод проистекает из целого ряда ее постулатов. Так, теория Р. Дворкина заявляется как юриспруденция внутренней точки зрения, ориентированная на нормативно-аргументативную юридическую практику конкретного сообщества и реализующая сущностно тот же тип рассуждения, что и ее участники (в т.ч. судьи). Ее базовые задачи и вопросы касаются истинности и обоснованности соответствующих правовых суждений (о правах и обязанностях правовых субъектов,

полномочиях должностных лиц, оправданности государственного принуждения и проч.). Отсюда она не может быть сугубо описательной и с необходимостью включает оправдание, апеллирующее к политической морали сообщества и обосновывающее «единственно верный» ответ на юридические вопросы системы. Другими словами, нормативность права и юридической практики означает нормативные притязания правоведческой теории как их интегрального элемента — интерпретативной основы и общей части любого юридического решения⁶⁰.

Представленная идентификация доктрины американского правоведа, даже фиксируя ее значимые параметры, вместе с тем, оставляет в стороне важную характеристику методологического подхода автора. Доктрина Р. Дворкина не просто образует методологическую альтернативу позитивистским и т.п. концепциям в рамках классической системы измерения / типологии правовых теорий, или же, как считает И. Флорес, объединяет возможности различных типов правовых учений в более сложной концептуальной рамке⁶¹. Эта доктрина оспаривает состоятельность самой системы правоведческих координат и используемых в ней критериев дифференциации и оценки способов правового теоретизирования.

Во-первых, признание Р. Дворкином права в качестве интерпретативного понятия и практики аргументации, а конструктивного толкования — в качестве единственно верного способа его постижения ставит под вопрос методологию «внешней точки зрения», используемую в позитивизме. Для американского мыслителя проект «внешней юриспруденции» либо малоценен, либо вообще несостоятелен. «Бесполезность» такого подхода связывается им с периферийностью для юридической практики вопросов, которые могут решаться с таких «внешних» (социологических, исторических и т.п.) позиций: смысл ключевых правовых понятий, по Р. Дворкину, можно постичь надлежащим образом лишь с точки зрения участника, что предполагает вовлечение в саму юридическую практику, в выработку и обоснование собственных ответов на ее вопросы. (Будет искаженной теория, сводящая право лишь к «простым фактам» — официальным актам и текстам, универсальным правилам словоупотребления и проч., — которые суть лишь «доинтерпретативные данные», всегда подлежащие толкованию и доступные пересмотру в рамках аргументативной практики сообщества.) Отсюда, по Р. Дворкину, вытекает и несостоятельность

⁵⁵ См.: *Dworkin R. Law's Empire. P. 90–94, 102 ff.*

⁵⁶ См.: *Dworkin R. Taking Rights Seriously. Ch. 13, etc.*

⁵⁷ См.: *Moore M.S. Op. cit. P. 94.*

⁵⁸ См.: *Dworkin R. Law's Empire. P. 13–15; Moore M.S. Op. cit. P. 95.*

⁵⁹ См.: *Dworkin R. Hart's Posthumous Reply. P. 2097.*

⁶⁰ См.: *Moore M.S. Op. cit. P. 95 ff.; Dworkin R. 1) Law's Empire. Ch. 3; 2) Hart's Posthumous Reply. P. 2097–2104.*

⁶¹ См.: *Flores I.B. Op. cit. P. 172; Юриспруденция в поисках идентичности. P. 193.*

«внешней» юриспруденции в ее претензиях на морально-нейтральное объяснение права. Такой подход исходит из существования «точки Архимеда», внеположенной социальной практики, и скрывает свою включенность в политические и моральные дебаты о праве, принятие в них той или иной позиции⁶².

Сказанное, во-вторых, ставит под вопрос возможность чисто описательной правовой теории. Допускаемая в отношении ряда социальных наук, такая возможность видится Р. Дворкину неуместной в юриспруденции. Нормативность юридической практики означает для него нормативность правовой теории⁶³, в связи с чем правоведческое описание может быть лишь частью интерпретации, необходимо предполагающей практический тип рассуждения и обращение к морально-политическим аргументам.

Это же, в-третьих, обуславливает и сознательную привязку предмета и суждений юриспруденции к конкретной правовой культуре / системе, ставя под вопрос проекты общей теории права. По Р. Дворкину, крайняя разнородность инокультурных правовых систем, формирующихся и функционирующих в контексте разных моральных систем и политических идеологий, не позволяет обеспечить единство оснований правоведческой теории⁶⁴. (Потенциальным источником разнородности может выступать и степень развитости в обществе «интерпретативной установки» и тем самым всего института права⁶⁵, обуславливая разную фундированность и востребованность даже концепций интерпретативного толка.)

Заключение. Таким образом, развитие интерпретативной доктрины Р. Дворкина 1980-х годов сопряжено с переносом предмета обсуждения на методологический уровень, как в положительном, так и в критическом плане. Вводимый автором подход не только смешивает или объединяет методологические возможности, заложенные в классических типологиях правовых теорий, но, по сути, ставит под вопрос состоятельность и плодотворность самих критериев таких типологизаций. Будучи самобытным философом, Р. Дворкин (наряду с Дж. Финнисом, С. Перри, М. Мёрфи и др.) формирует и укрепляет новый тренд в англо-американской юриспруденции, когда, с одной стороны, оспаривается нейтральность методологического проекта позитивизма, с другой – переопределяется статус концепций естественно-правового толка

в качестве конкурирующих с позитивизмом объяснений «права, как оно есть». Конечно, выводы Р. Дворкина скорее радикальны и провокационны, чем общепризнаны. Однако важным их следствием является переосмысление (новая аргументация) юридического позитивизма, а также преобразование «интеллектуального ландшафта» англо-американской юриспруденции и его координат, стремящееся учесть более тонкие и комплексные вызовы современной правоведческой методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятого философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2015.
2. *Варламова Н.В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.
3. *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2020. Гл. 1, 2.
4. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 10.
5. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. Гл. 5.
6. *Неважай И.Д.* Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31.
7. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2017.
8. Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. Гл. 13.
9. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
10. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2016. Гл. 4–8.
11. Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 10–25, 114, 187, 188, 193.
12. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed. London, 1885. P. 157, 1071 ff.
13. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970. § 21–29.
14. *Bix B.H.L.A.* Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. 1999. Vol. 52. P. 176.
15. *Dickson J.* Evaluation and Legal Theory. Oxford, 2001. Ch. 1, 2.
16. *Dworkin R.* A Matter of Principle. Cambridge, Ma., London, 1985. P. 147; Ch. 5, 6.

⁶² См.: *Dworkin R.* 1) Hart's Posthumous Reply. P. 2097 ff.; 2) Justice in Robes. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.

⁶³ См.: *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply. P. 2097 ff.

⁶⁴ См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 102, 103.

⁶⁵ См.: *ibid.* P. 103.

17. *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // *Harvard Law Review*. 2017. Vol. 130. P. 2097–2105.
18. *Dworkin R.* *Justice in Robes*. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.
19. *Dworkin R.* *Law's Empire*. Cambridge, Ma., 1986. P. 5, 13–15, 31, 47, 52, 66, 90, 94, 102, 103; Ch. 2. P. 419 ff.; Ch. 3, 7.
20. *Dworkin R.* *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978. Ch. 2, 13.
21. *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // *Problema*. 2015. No. 9. P. 166, 168–170, 172.
22. *Hacker P.M.S.* *Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society*. Oxford, 1977. P. 1–25.
23. *Hart H.L.A.* *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. P. 10, 13, 14, 49, 56 ff.
24. *Hart H.L.A.* *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–244, 246; Ch. IV, V.
25. *Hart H.L.A.* *Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society*. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248.
26. *MacCormick N.* *H.L.A. Hart*. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.
27. *Marmor A.* *Interpretation and Legal Theory*. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27, 39 ff.
28. *Moore M.S.* *Educating oneself in public*. New York, 2000. P. 5, 81–83, 88–95 ff.
29. *Raz J.* *Between Authority and Interpretation*. Oxford, 2009. P. 31 ff.; Ch. 2, 3.
30. *Raz J.* *Ethics in the Public Domain*. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204.
31. *Raz J.* *The Authority of Law*. Oxford, 1979. Ch. 8.
6. *Nevvazhay I.D.* Types of legal culture and forms of legal consciousness // *Jurisprudence*. 2000. No. 2. P. 23–31 (in Russ.).
7. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* *General theory of law*. SPb., 2017 (in Russ.).
8. *Theory of state and law / ed. by O.V. Martyshin*. M., 2007. Ch. 13 (in Russ.).
9. *Chestnov I.L.* *Post-classical theory of law*. SPb., 2012 (in Russ.).
10. *Legal hermeneutics in the twenty-first century*. SPb., 2016. Ch. 4–8 (in Russ.).
11. *Jurisprudence in search of identity: collection of articles, translations, abstracts / under the general editorship of S.N. Kasatkin*. Samara, 2010. P. 10–25, 101, 114, 187, 188, 193 (in Russ.).
12. *Austin J.* *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed.* London, 1885. P. 157, 1071 ff.
13. *Bentham J.* *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London, 1970. § 21–29.
14. *Bix B.H.L.A.* *Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review*. 1999. Vol. 52. P. 176.
15. *Dickson J.* *Evaluation and Legal Theory*. Oxford, 2001. Ch. 1, 2.
16. *Dworkin R.* *A Matter of Principle*. Cambridge, Ma., London, 1985. P. 147; Ch. 5, 6.
17. *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // *Harvard Law Review*. 2017. Vol. 130. P. 2097–2105.
18. *Dworkin R.* *Justice in Robes*. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.
19. *Dworkin R.* *Law's Empire*. Cambridge, Ma., 1986. P. 5, 13–15, 31, 47, 52, 66, 90, 94, 102, 103; Ch. 2. P. 419 ff.; Ch. 3, 7.
20. *Dworkin R.* *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978. Ch. 2, 13.
21. *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // *Problema*. 2015. No. 9. P. 166, 168–170, 172.
22. *Hacker P.M.S.* *Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society*. Oxford, 1977. P. 1–25.
23. *Hart H.L.A.* *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. P. 10, 13, 14, 49, 56 ff.
24. *Hart H.L.A.* *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–244, 246; Ch. IV, V.
25. *Hart H.L.A.* *Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society*. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248.
26. *MacCormick N.* *H.L.A. Hart*. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.

REFERENCES

1. Actual directions of analysis of law and jurisprudence: the problem of interdisciplinary understanding and cooperation: materials of the ninth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersisyan / ed. and comp. V.G. Grafsky. M., 2015 (in Russ.).
2. *Vartlamova N.V.* *Typology of law and modern trends in the development of the theory of law*. SPb., 2010 (in Russ.).
3. *Zhukov V.N.* *Philosophy of Law*. M., 2020. Ch. 1, 2. *Law in search of identity*. C. 101 et seq. (in Russ.).
4. *Kelsen G.* *Pure theory of law*. 2nd ed. SPb., 2015. P. 10 (in Russ.).
5. *Lloyd D.* *The idea of law*. M., 2002. Ch. 5 (in Russ.).
6. *Nevvazhay I.D.* Types of legal culture and forms of legal consciousness // *Jurisprudence*. 2000. No. 2. P. 23–31 (in Russ.).
7. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* *General theory of law*. SPb., 2017 (in Russ.).
8. *Theory of state and law / ed. by O.V. Martyshin*. M., 2007. Ch. 13 (in Russ.).
9. *Chestnov I.L.* *Post-classical theory of law*. SPb., 2012 (in Russ.).
10. *Legal hermeneutics in the twenty-first century*. SPb., 2016. Ch. 4–8 (in Russ.).
11. *Jurisprudence in search of identity: collection of articles, translations, abstracts / under the general editorship of S.N. Kasatkin*. Samara, 2010. P. 10–25, 101, 114, 187, 188, 193 (in Russ.).
12. *Austin J.* *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed.* London, 1885. P. 157, 1071 ff.
13. *Bentham J.* *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London, 1970. § 21–29.
14. *Bix B.H.L.A.* *Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review*. 1999. Vol. 52. P. 176.
15. *Dickson J.* *Evaluation and Legal Theory*. Oxford, 2001. Ch. 1, 2.
16. *Dworkin R.* *A Matter of Principle*. Cambridge, Ma., London, 1985. P. 147; Ch. 5, 6.
17. *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // *Harvard Law Review*. 2017. Vol. 130. P. 2097–2105.
18. *Dworkin R.* *Justice in Robes*. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.
19. *Dworkin R.* *Law's Empire*. Cambridge, Ma., 1986. P. 5, 13–15, 31, 47, 52, 66, 90, 94, 102, 103; Ch. 2. P. 419 ff.; Ch. 3, 7.
20. *Dworkin R.* *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978. Ch. 2, 13.
21. *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // *Problema*. 2015. No. 9. P. 166, 168–170, 172.
22. *Hacker P.M.S.* *Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society*. Oxford, 1977. P. 1–25.
23. *Hart H.L.A.* *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. P. 10, 13, 14, 49, 56 ff.
24. *Hart H.L.A.* *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–244, 246; Ch. IV, V.
25. *Hart H.L.A.* *Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society*. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248.
26. *MacCormick N.* *H.L.A. Hart*. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.

27. *Marmor A.* Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27, 39 ff.
28. *Moore M.S.* Educating oneself in public. New York, 2000. P. 5, 81–83, 88–95 ff.
29. *Raz J.* Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009. P. 31 ff.; Ch. 2, 3.
30. *Raz J.* Ethics in the Public Domain. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204.
31. *Raz J.* The Authority of Law. Oxford, 1979. Ch. 8.

Сведения об авторе

КАСАТКИН Сергей Николаевич – доцент, кафедра теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России; 443022 г. Самара, ул. Рыльская, 24в; кафедра теории права и философии Самарского государственного экономического университета; 443090 г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Authors' information

KASATKIN Sergey N. – associate Professor, Department of theory and history of state and law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 24v Rylskaya str., 443022 Samara, Russia; Department of theory of law and philosophy of the Samara state University of Economics; 141 Sovetskoy Armii str., 443090 Samara, Russia